

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ СУДА ЕАЭС И НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Серобян Армен Гагикович

Независимый исследователь, г. Москва
a.serobyana@legal.eagles.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF DELIMITATION OF JURISDICTION BETWEEN THE EAEU COURT AND NATIONAL JUDICIAL BODIES

A. Serobyana

Summary. This article examines the key constitutional and legal problems arising in the process of delimiting jurisdiction between the Court of the Eurasian Economic Union (EAEU) and national judicial bodies of member states. The fundamental tension between the supranational nature of Union law and the principle of state sovereignty enshrined in national constitutions is analyzed. The author identifies the main points of collision, such as uncertainty in the hierarchy of legal norms, underdevelopment of the preliminary ruling mechanism, and the problem of direct effect of EAEU bodies' acts. The paper substantiates the thesis that the existing model of interaction between judicial systems does not fully ensure either uniform application of EAEU law or protection of the national constitutional legal order. The absence of a developed doctrine of balanced interaction that could resolve jurisdictional conflicts is highlighted as a central problem. The article proposes conceptual approaches to resolving the identified problems, aimed at forming a sustainable and predictable «judicial dialogue» and harmonizing the two legal orders.

Keywords: EAEU Court, national judicial bodies, delimitation of jurisdiction, supranational law, EAEU law, state sovereignty, rule of law, preliminary ruling, constitutional review.

Евразийский экономический союз представляет собой амбициозный проект международной интеграции, правовая система которого находится в стадии активного формирования и осмысления. Центральным элементом этой системы является Суд ЕАЭС, призванный обеспечивать единообразное применение договорно-правовой базы Союза его органами и государствами-членами. Одновременно в каждом из государств-участников функционирует собственная, иерархически выстроенная судебная система, увенчанная высшими и конституционными судами, чья основная задача — защита национального правопорядка и верховенства конституции. Взаимодействие этих двух юрисдикционных систем — наднациональной и национальной — порождает комплекс фундаментальных проблем конституционно-правового характера, которые на сегодняшний

Аннотация. В настоящей статье исследуются ключевые конституционно-правовые проблемы, возникающие в процессе разграничения юрисдикции между Судом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и национальными судебными органами государств-членов. Анализируется фундаментальное напряжение между наднациональной природой права Союза и принципом государственного суверенитета, закрепленным в национальных конституциях. Автор выявляет основные коллизионные точки, такие как неопределенность в иерархии правовых норм, неразвитость механизма преюдициального запроса и проблема прямого действия актов органов ЕАЭС. В работе обосновывается тезис о том, что существующая модель взаимодействия судебных систем не обеспечивает в полной мере ни единообразия применения права ЕАЭС, ни защиты национального конституционного правопорядка. В качестве центральной проблемы выделяется отсутствие разработанной доктрины сбалансированного взаимодействия, которая могла бы разрешать юрисдикционные конфликты. Статья предлагает концептуальные подходы к разрешению выявленных проблем, направленные на формирование устойчивого и предсказуемого «судебного диалога» и гармонизацию двух правовых порядков.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, национальные судебные органы, разграничение юрисдикции, наднациональное право, право ЕАЭС, государственный суверенитет, верховенство права, преюдициальный запрос, конституционный контроль.

день не имеют однозначного доктринального и практического решения.

Проблема разграничения юрисдикции Суда ЕАЭС и национальных судов выходит далеко за рамки технического вопроса о подведомственности споров. Она затрагивает ядро государственного суверенитета, принципы верховенства права и иерархии правовых актов в национальной правовой системе, а также гарантии прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, действующих в едином экономическом пространстве. **Неопределенность в этих вопросах создает правовую нестабильность и может привести к возникновению «юрисдикционных тупиков», когда национальные суды и Суд Союза приходят к взаимоисключающим выводам по одному и тому же правовому вопросу.**

Настоящая статья посвящена анализу этой ключевой проблемы. Цель работы — выявить основные конституционно-правовые коллизии, возникающие на стыке двух правовых порядков, и предложить концептуальные направления для их разрешения. Исследование носит аналитический характер и направлено не на описание существующих механизмов, а на вскрытие их внутренних противоречий и оценку их эффективности в контексте двойственной лояльности национального судьи — как к национальному, так и к наднациональному праву.

Фундаментальная причина конституционно-правовых проблем разграничения юрисдикции кроется в дуалистической природе самой интеграции в рамках ЕАЭС. С одной стороны, Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года учреждает наднациональный правовой порядок, нормы которого, согласно статье 6, составляют право Союза и входят в национальные правовые системы. С другой стороны, государства-члены не отказываются от своего суверенитета, а их конституции провозглашают себя актами высшей юридической силы на своей территории. Этот внутренний конфликт между делегированием суверенных полномочий наднациональному образованию и сохранением конституционной идентичности является основным источником юрисдикционного напряжения. Национальный судья оказывается в сложном положении: он обязан применять как нормы национального законодательства и конституции, так и нормы права ЕАЭС, которые могут вступить с ними в противоречие.

Первая и наиболее острая проблема — это отсутствие четко сформулированной и общепринятой доктрины верховенства (примата) права ЕАЭС. В отличие от Европейского союза, где принцип примата права ЕС над национальным правом был выработан практикой Суда ЕС (начиная с дела *Costa v. E.N.E.L.*), в праве ЕАЭС этот вопрос остается открытым. Договор о ЕАЭС избегает прямых формулировок о верховенстве. Он лишь устанавливает, что право Союза входит в правовую систему государств-членов и подлежит прямому применению. Однако это не дает ответа на ключевой вопрос: какова юридическая сила норм права Союза в случае их коллизии с нормами национального закона и, что еще более важно, с положениями национальной конституции? Национальные конституционные суды, как хранители конституционного строя, с высокой долей вероятности будут исходить из безусловного верховенства своей конституции. Это создает потенциал для возникновения ситуации, когда национальный конституционный суд признает неконституционным национальный закон, принятый во исполнение акта ЕАЭС, тем самым фактически блокируя действие наднациональной нормы на своей территории. Такой сценарий ведет не просто к юрисдикционному конфликту, а к кризису всей правовой системы интеграционного объединения.

Вторая проблема тесно связана с неэффективностью существующего механизма взаимодействия — преюдициального запроса. Согласно статье 41 Статута Суда ЕАЭС, высшие судебные органы государств-членов могут, но не обязаны, обращаться в Суд Союза за разъяснением положений права ЕАЭС. Факультативный характер запроса для высших судебных инстанций является системным дефектом. Он позволяет национальным судам избегать обращения в Суд ЕАЭС, предпочитая давать собственное, зачастую расходящееся с логикой интеграционного права, толкование. Такое «судебное уклонение» подрывает основную цель преюдициального механизма — обеспечение единообразия правоприменения. Вместо формирования единого правового пространства мы рискуем получить пять различных толкований одной и той же нормы права Союза, что сводит на нет усилия по унификации. Кроме того, процедура не предусматривает четкого механизма для разрешения ситуации, когда национальный суд не согласен с выводами, изложенными в консультативном заключении Суда ЕАЭС, или просто игнорирует их. Отсутствие обязательной силы таких заключений для национального суда превращает диалог в необязательный обмен мнениями, а не в работающий инструмент разрешения правовых коллизий [3].

Третья проблема заключается в неопределенности доктрины прямого действия (*direct effect*) актов органов ЕАЭС. Для эффективного функционирования единого рынка необходимо, чтобы его участники (граждане, компании) могли напрямую ссылаться на нормы права Союза в национальных судах для защиты своих прав, даже если эти нормы не были имплементированы в национальное законодательство. Хотя Договор о ЕАЭС предусматривает прямое действие для некоторых видов актов (например, решений Евразийской экономической комиссии), практика их применения национальными судами неоднородна. Зачастую суды занимают консервативную позицию, требуя наличия соответствующей нормы в национальном законодательстве и отказываясь применять акт Союза напрямую. Это создает правовую неопределенность для бизнеса и граждан, подрывает доверие к наднациональным институтам и, по сути, является формой юрисдикционного саботажа, когда национальный суд через отказ в прямом применении нормы утверждает свою юрисдикцию и приоритет национального правового регулирования над наднациональным [6].

Такая позиция судебных органов зачастую обусловлена не столько произвольным саботажем, сколько глубинными причинами, связанными с конструкцией национальных правовых систем и доктриной государственного суверенитета. Большинство правовых систем государств-членов исторически основаны на дуалистической концепции соотношения международного и национального права, при которой нормы международного договора приобретают юридическую

силу на национальной территории только после их трансформации (имплементации) в национальное законодательство. Прямое применение акта наднационального органа, не прошедшего национальные процедуры, в такой парадигме воспринимается как нарушение конституционного порядка и исключительной компетенции национального законодателя.

Более того, эта проблема усугубляется отсутствием в рамках ЕАЭС устоявшегося и общепризнанного механизма, аналогичного институту преюдициального запроса в Европейском союзе. Такой механизм позволил бы национальным судам обращаться в Суд ЕАЭС за разъяснением по вопросам толкования и применения права Союза, что способствовало бы формированию единой судебной практики и снимало бы с национального судьи бремя принятия решения по сложному вопросу соотношения правовых систем [4]. В отсутствие такой процедуры национальный суд остается один на один с нормой наднационального права, и, сталкиваясь с правовой коллизией или пробелом, склонен выбирать наиболее безопасный для себя путь — применение знакомой и понятной нормы национального закона.

Такой выбор национального судьи, хотя и объяснимый с точки зрения его положения в иерархии национальной судебной системы, на системном уровне ведет к эрозии самого принципа верховенства права Евразийского экономического союза. Принцип, не подкрепленный работающим механизмом его реализации и защиты, рискует приобрести сугубо декларативный характер [5]. Каждое такое решение, отдающее приоритет национальному законодательству в обход или вопреки норме Союза, создает прецедент и закрепляет практику игнорирования наднационального правопорядка. Вследствие этого формируется не единое правовое пространство, а скорее его фрагментарная мозаика, где применение права ЕАЭС становится зависимым от усмотрения и правовой культуры конкретного национального правоприменителя [6].

Это порождает фундаментальную проблему правовой неопределенности для экономических субъектов, действующих на общем рынке. Предприниматель, выстраивающий свою деятельность в расчете на единые правила, установленные, например, Техническими регламентами или Таможенным кодексом ЕАЭС, сталкивается с ситуацией, когда в разных государствах-членах эти правила могут толковаться и применяться по-разному, а в случае коллизии — уступать место национальным нормам. Подобная непредсказуемость напрямую увеличивает транзакционные издержки, снижает инвестиционную привлекательность единого экономического пространства и, по сути, нивелирует одно из ключевых преимуществ экономической интеграции — устранение барьеров, обусловленных различиями в национальных правовых системах.

Более того, отсутствие механизма преюдициального запроса фактически изолирует Суд ЕАЭС от национальной правоприменительной практики. Суд лишается возможности оперативно реагировать на возникающие в реальных правоотношениях вопросы толкования права Союза, а его правовые позиции, выраженные в консультативных заключениях или решениях по спорам, не получают эффективного канала для имплементации в практику национальных судов [1]. Возникает своего рода замкнутый круг: национальные суды не обращаются в Суд ЕАЭС, поскольку нет обязательной и удобной процедуры, а Суд ЕАЭС, в свою очередь, не может сформировать авторитетную и единообразную практику, которая стала бы надежным ориентиром для национальных судей. Таким образом, вся тяжесть гармонизации и обеспечения верховенства права Союза ложится на плечи национального судьи, который, как было отмечено, не имеет для этого ни достаточных инструментов, ни необходимой институциональной поддержки.

В результате формируется системный разрыв между де-юре провозглашенной обязательностью актов органов Союза и де-факто их неисполняемостью на уровне конечного правоприменителя — национального суда. Это приводит не только к правовой неопределенности для хозяйствующих субъектов, но и к фрагментации единого экономического пространства. Одна и та же норма права ЕАЭС может действовать в одном государстве-члене и не действовать в другом, что создает правовую асимметрию и неравные условия для ведения бизнеса, прямо противоречащие целям создания Союза. Таким образом, отсутствие действенного механизма прямого применения подрывает саму суть экономической интеграции, превращая единые правила в набор деклараций, применение которых зависит от усмотрения национальных юрисдикционных органов.

Разрешение этих проблем требует не технических поправок, а выработки комплексной доктрины взаимодействия правовых систем. Эта доктрина должна основываться на принципе взаимного уважения и признания компетенций. С одной стороны, национальные суды, и в первую очередь конституционные, должны признать особую природу права ЕАЭС как автономного правового порядка, необходимого для достижения общих экономических целей [2]. С другой стороны, Суд ЕАЭС в своей практике должен проявлять сдержанность и уважение к «конституционной идентичности» государств-членов, избегая толкования права Союза, которое бы затрагивало фундаментальные основы их конституционного строя (принципы демократии, правового государства, основные права человека). Поиск этого баланса — центральная задача для судебных органов обеих систем. Необходимо инициировать и поддерживать постоянный «судебный диалог» между Судом ЕАЭС и высшими национальными судами, который может выходить за рамки

формальных процедур и включать совместные конференции, семинары и рабочие группы. Целью такого диалога должно стать постепенное формирование общих подходов и правовых позиций, основанных на принципах добросовестности и взаимного доверия. Без такого диалога правовая система ЕАЭС рискует остаться набором формальных норм, не имеющих реального верховенства и прямого действия на практике.

Анализ конституционно-правовых проблем разграничения юрисдикции Суда ЕАЭС и национальных судебных органов показывает наличие системного конфликта, заложенного в самой архитектуре интеграционного объединения. Ключевые проблемы — отсутствие ясной доктрины верховенства права Союза, факультативность и низкая эффективность механизма преюдициального запроса, а также практическая неопределенность прямого действия актов ЕАЭС — создают серьезные препятствия для формирования единого и предсказуемого правового пространства. Существующая модель взаимодействия не способна эффективно разрешать возникающие коллизии и несет в себе риски фрагментации права Союза и возникновения юрисдикционных войн между наднациональной и национальными судебными властями.

Разрешение этих проблем требует комплексного и системного подхода. Во-первых, необходимо на доктринальном уровне, а в перспективе — и на уровне учредительных документов, уточнить соотношение права ЕАЭС и национального права. Требуется разра-

ботка сбалансированной концепции «кооперативного верховенства», которая бы признавала примат права Союза в сферах его исключительной компетенции, но с оговорками, касающимися защиты фундаментальных конституционных принципов государств-членов. Во-вторых, назрела реформа механизма преюдициального запроса. Следует рассмотреть вопрос о введении обязательности обращения в Суд ЕАЭС для высших судебных инстанций государств-членов по вопросам толкования права Союза, когда от этого зависит исход дела, по аналогии с моделью, существующей в ЕС. Это стало бы решающим шагом к обеспечению единообразия судебной практики. В-третьих, необходимо через практику Суда ЕАЭС и высших национальных судов последовательно утверждать доктрину прямого действия норм права Союза, предоставляя хозяйствующим субъектам надежный инструмент защиты своих прав.

В конечном счете построение эффективной системы разграничения юрисдикции невозможно без установления постоянного и конструктивного «судебного диалога». Суд ЕАЭС и национальные суды должны рассматривать друг друга не как конкурентов в борьбе за юрисдикцию, а как партнеров в общем деле построения правового порядка, основанного на взаимном доверии и уважении. Только через такой диалог, подкрепленный необходимыми институциональными реформами, можно преодолеть существующие конституционно-правовые проблемы и обеспечить долгосрочную жизнеспособность и правовую стабильность Евразийского экономического союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко Е.Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 222 с.
2. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М., 2018. 190 с.
3. Исполинов А.С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект права Евразийского экономического союза // Журнал российского права. — 2016. — № 3. — С. 144–151.
4. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза // Российское правосудие. — 2016. — № 11. — С. 5–17.
5. Соколова Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. — 2015. — № 11. — С. 96–103.
6. Тунян А.Г. Проблемы судебного контроля в отношении нормативных актов ЕАЭС // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС. Минск, 2023. 129 с.

© Серобян Армен Гагикович (a.serobyan@legal.eagles.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»